

Она быстро прикинула в уме и продолжила:

— Старший брат, ты же знаешь, у меня нет работы, ещё и Цзыюэ нужно растить. Зарплата Чжилия совсем небольшая, мы всё это время живём на дивиденды от полутора процентов акций. В прошлом году мы получили сколько, ты тоже знаешь. Сейчас конец года, а дивиденды от «Чэнци» всегда выплачиваются только после китайского Нового года. У нас действительно нет таких денег.

Чэн Чжилян также сказал:

— Старший брат, это действительно её ошибка, она уже извинилась перед вами. Но вы сразу требуете 15 000 000, откуда мы возьмём такие деньги? И вообще, эти два куса нефрита действительно стоят 30 000 000? Я никогда об этом не слышал. Ты дал только свою цену покупки, но если я найду эксперта, может оказаться, что они не стоят столько, верно?

Чэн Чжисун кивнул:

— Действительно, ты можешь сам найти эксперта, но с чем ты пойдёшь? Где эти два куса нефрита? Осколки ты уже не найдёшь, так что провести экспертизу невозможно. Придётся считать по моей цене покупки.

Чэн Чжилян взглянул на Чжао Чжиман, но она отвернулась. Эти два куса нефрита лежали у неё в сумке, и она обязательно должна найти укромное место, чтобы спрятать их, иначе их обнаружат, и она потеряет всё.

— Старший брат, ты же знаешь, я намного младше тебя, и у меня мало акций компании. Не мог бы ты снизить сумму? У меня действительно нет таких денег.

Чэн Чжисун, казалось, начал злиться. Он холодно сказал:

— Чжилян, я не требую с тебя 30 000 000 за нефрит, я прошу только половину. Ты же знаешь, как я люблю нефрит. Эти два куса — один безупречный белый нефрит, другой — меч из нефрита. Оба они бесценны. Теперь они разбиты, и даже если ты дашь мне несколько миллионов, я всё равно не буду рад, потому что за такие деньги я больше не найду такого хорошего нефрита. А ты ещё и торгуешься? Чжилян, что мне с тобой делать?

Чэн Чжилян, понимая свою вину, умоляюще сказал:

— Старший брат, я не отказываюсь платить. Давай так: я могу сначала отдать тебе 8 000 000, а остальные 7 000 000 — после того, как получу дивиденды в этом году. Хорошо?

Чэн Чжисун заколебался, а Чэн Цзылян с улыбкой сказал:

— Папа, дядя уже так сказал, не настаивай. Мы всё-таки одна семья, пусть будет после Нового года.

Чэн Чжисун неохотно кивнул:

— Ладно, переведи 8 000 000 на мой счёт в ближайшие дни, а потом обсудим остальное. И ещё, я сегодня пришёл, чтобы забрать остальной нефрит. Если ещё два куса разобьются, я, пожалуй, действительно разозлюсь.

Чэн Чжилян злобно посмотрел на Чжао Чжиман, и она смущённо опустила голову. Чэн

Цзылинь сказал:

— Папа, хватит, тётя, наверное, не специально.

— Хорошо, Цзылинь, пойдём наверх, заберём остальной нефрит к себе.

— Хорошо.

Чэн Чжисун и Чэн Цзылинь поднялись наверх, вошли в комнату Чэн Чжисуна, закрыли за собой дверь и рассмеялись.

— Папа, а сколько стоили те два куска нефрита?

— Нефритовый диск я купил за 300 000, это действительно хороший нефрит. А другой, меч, кажется, стоил всего 40 000, потому что на нём были небольшие дефекты, так что цена была невысокой. Но теперь, когда мы взяли у них деньги, мне как-то не по себе.

Чэн Цзылинь сказал:

— С чего бы? Я проверял, эта Чжао Чжиман ничего не умеет, только покупает брендовые вещи, сумки за 10–20 000 берёт без раздумий, да ещё и раздаёт их. В её кругу пластиковых жён она уже раздала вещей на несколько миллионов. Меня больше бесит, как она тратит деньги, ведь это всё благодаря тебе и дяде, что вы так хорошо управляете корпорацией Чэн, и у них такие дивиденды.

— Это не твоё дело. Они получили дивиденды, это их деньги, пусть тратят как хотят. Но в этот раз я действительно злюсь. Все мои нефриты — мои сокровища, даже если они стоят 300 000 или 30, я их люблю. Зачем этой Чжао Чжиман было к ним прикасаться?

— Ладно, папа, не расстраивайся. Дядя взял деньги, пойдёт искать любовниц, заведёт ещё одну или две, а Чжао Чжиман будет тратить без меры. Давай пожертвуем эти деньги в фонд мамы и тёти Хэ, они сейчас загружены по уши, помогают детям-инвалидам. Цветочный магазин тёти Хэ уже полностью отдали глухой девушке. Я вижу, мама и тётя Хэ действительно любят этот фонд и хотят сделать его лучше.

Чэн Чжисун кивнул:

— Да, я тоже так думаю. В конце концов, эти деньги мне беспокойно брать, лучше отдать их на доброе дело. И этот фонд действительно помогает людям. Хорошо, решено. Теперь пойдём, заберём мои сокровища домой.

— Хорошо.

Они собрали свои вещи и по дороге домой снова заговорили о Чэн Кэ.

Чэн Цзылинь с улыбкой сказал:

— Этот парень хочет подписать контракт с «Байчуань Энтертеймент», а моя «Чэнци Энтертеймент» ему неинтересна.

— Твоя «Чэнци» не сравнится с «Байчуань». «Байчуань» создаёт звёзд кино и телевидения, а у тебя одни молодые актёры и актрисы, уровень не тот.

— Папа, как ты можешь так говорить о своём сыне? Но я действительно восхищаюсь

генеральным директором «Байчуань» Чжоу Юньчуанем. Люди, которых он находит, действительно имеют потенциал стать звёздами.

— Ты хочешь сказать, что Чэн Кэ может стать звездой?

— Не знаю, не видел, как он играет. Но внешне он похож на наших молодых актёров. Если бы он пришёл ко мне, я бы за два года сделал его самым популярным молодым актёром.

— Ладно, хватит про молодых актёров. Хорошо, что Чэн Кэ не подписался к тебе.

Чэн Цзылинь рассмеялся:

— Папа, этот план придумал Чэн Кэ. Этот парень тоже не простой, не недооценивай его.

Чэн Чжисун кивнул:

— Но у Чэн Кэ нет злого умысла, это я вижу. Он просто ненавидит своего отца и его новую семью. Эх, впредь будь к нему добрее, вы ведь братья, не будьте так отчуждены, как раньше.

— Знаю, папа.

В этот момент Чэн Кэ позвонил.

Чэн Чжисун был за рулём, поэтому он сразу передал телефон Чэн Цзылиню:

— Включи громкую связь.

Чэн Цзылинь ответил, включил громкую связь, но не успел сказать «алло», как Чэн Кэ сказал:

— Дядя, если тебе не нужны деньги, отдай их моей маме, её фонду не хватает средств.

Чэн Чжисун сначала удивился, а затем рассмеялся:

— Откуда ты знаешь, что я получу деньги?

— Потому что ты мой дядя, суперкрутой дядя.

Чэн Чжисун улыбнулся, а Чэн Цзылинь сказал:

— Лесть, я тоже здесь, это мой папа, не твой.

Чэн Кэ, казалось, был очень рад:

— Брат, ты тоже суперкрутой. Кстати, сколько вы запросили?

— 15 000 000.

Чэн Кэ засмеялся ещё громче:

— Вы просто гении. Кстати, отдайте всё маме и сестре Линь Цяо в их фонд.

Чэн Чжисун с удивлением спросил:

— С каких пор моя жена стала твоей сестрой Линь Цяо? Как ты считаешь старшинство?

— Сестра Линь Цяо сама попросила меня так её называть. Она сказала, что называть её тётей старит, я предложил называть её тётушкой, она снова сказала, что старит. Вот и пришлось называть её сестрой Линь Цяо, она ведь старше моей мамы.

Чэн Цзылинь, вспомнив, как выглядит его мать, рассмеялся:

— Папа, ты же знаешь, какая она.

Чэн Кэ продолжил:

— Дядя, отдайте деньги их фонду. Они сейчас хотят помочь бедным глухим детям, чтобы те могли бесплатно учиться в школах для глухих. Им очень нужны деньги.

— Ладно, понял, ты уже трижды это повторил. Мы с Цзылинем уже решили отдать деньги их фонду. Не переживай, я ещё сам добавлю, а потом попрошу твоего дядю тоже добавить.

— Тогда я передам маме благодарность от тебя.

— Ладно, я за рулём, давай закончим.

— Подожди.

— Что ещё?

— Дядя, я тебя очень люблю.

— Ладно, лесть, заканчивай. — Это сказал Чэн Цзылинь.

Закончив разговор, Чэн Кэ был в отличном настроении. Чжоу Юньчуань, стоявший за ним, подумал, что Чэн Кэ просто мастер признаний. Хотя он не был человеком, который часто выражает свои чувства, он не скупился на слова любви. С одной стороны, Чжоу Юньчуаню это нравилось, с другой — раздражало, ведь Чэн Кэ любил слишком многих, и он был лишь одним из них. А он хотел другого рода любви.

<http://bllate.org/book/16558/1511345>